

УДК 82.821.122.2

М. Я. Китов,факультет иностранных языков,
Омский государственный педагогический университет
Научный руководитель: канд. филол. наук, доц. Н. М. Киселева

Языковой портрет в романе Г. Грасса «Луковица памяти»

Аннотация. Статья посвящена изучению языкового портрета главного героя в автобиографическом романе Гюнтера Грасса «Луковица памяти» посредством проведения стилистического анализа текстовых фрагментов произведения.

Ключевые слова: художественный текст, образ, языковой портрет, идиостиль, стилистический анализ.

Исследование текста неразрывно связано с исследованием речевых характеристик персонажа, которые играют важную роль при проведении анализа любого произведения.

М. М. Бахтин особое значение придавал тому, как герои литературных произведений разговаривают. Русский философ считал, что язык — главная характеристика литературы, потому что именно через язык литературное произведение приобретает свою уникальную форму и существует как самостоятельный объект [1].

Важную роль речи в художественном тексте отмечает также К. Н. Ломунов: «О речи персонажа часто говорят мимоходом, как о чём-то второстепенном, не самом важном. ... Но она позволит многое понять, если за речевыми особенностями того или иного героя мы увидим и самого героя, и отношение к нему автора» [4, с. 74]. Используемые героем слова, его интонация и построение фраз представляют собой его речевые особенности, которые позволяют читателю получить представление о темпераменте говорящего, его образованности, социальном статусе, возрасте и характере.

Перед тем, как перейти непосредственно к стилистическому анализу языкового портрета главного героя романа Г. Грасса «Луковица памяти», рассмотрим особенности идиостиля писателя.

Как отмечает И. К. Иванова, из концепции «расширенной реальности», присущей романтизму, Г. Грасс развивает собственное понимание пространства и времени. Свое авторское мироощущение писатель передает созданным термином *Vergegenkunft*, образованным им из соответствующих частей немецких слов *Vergangenheit* («прошлое»), *Gegenwart* («настоящее») и *Zukunft* («будущее») [2].

Данное восприятие жизни можно наблюдать в рассматриваемом нами произведении Г. Грасса «Луковица памяти». В романе прошлое, настоящее и будущее выполняют функцию структурообразующего сюжетного концепта.

Исследователь П. Ф. Иванов отмечает уникальность рефлексии писателя и говорит о том, что она представлена в определенном смысле расщеплением его сознания, которое вызвано противопоставлением двух «Я»: автора — в настоящем и в прошлом [3].

«Луковица памяти» — это автобиографический роман лауреата Нобелевской премии Г. Грасса, служившего в войсках СС. В данное произведение автор закладывает концепт многослойности человеческой памяти и воплощает эту мысль в образе луковицы. Оригинальное название произведения — *Beim Häuten der Zwiebel* — является авторской метафорой, передающей концепт, вокруг которого строится повествование. Писатель сравнивает процесс обращения к памяти с чисткой лука. Таким образом, каждая глава символизирует луковую кожицу, снимая которую, автор вспоминает эпизоды своей жизни, тем самым осуществляя болезненное, но необходимое принятие своего прошлого.

Описывая ощущения юного Г. Грасса во время пребывания в учебной части в начале войны, автор говорит, что они были еще наивными подростками, которым нравилось униформой привлекать взгляды и верить в свою важность в деле защиты родины: *Wir Jungssahendasso. In Uniform zogen wir Blicke an. Mächtig pubertierend stärkten wir die Heimatfront* [5, S. 75].

Название главы *Wieich das Fürchten lernte* [5, S. 75] содержит литоту, роль которой сводится

к нарочитому преуменьшению тех ужасов, свидетелем которых станет будущий писатель на войне. Он целенаправленно и иронично преуменьшает пережитый им страх, при этом диминутив этого понятия является авторским окказионализмом.

Еще один окказионализм *Wirtunsowasnicht*, также являющийся названием одной из глав романа, переводится как «с нами такого не будет». Он становится не только прозвищем одного из героев книги, но и передает общее настроение того времени, которое резко меняется при попадании «элитного» подразделения СС под обстрел знаменитых БМ-13, известных всему миру «Катюш», которые немцы окрестили как «органы Сталина», *die Stalinorgel*. Рассказывая о собственных ощущениях, Г. Грасс пишет: *Die Orgel spielt drei Minuten lang, eine Ewigkeit lang* [5, S. 141]. Трехминутный обстрел оказался ему вечностью. Также метафорично он изображает испытанный на войне голод, который как жадный голодный зверь «грыз» молодых солдат *Er, der Hunger, ... nagte* [5, S. 182].

Именно поэтому, повествуя о героической смерти фюрера, своего кумира прошлого, Г. Грасс откровенно иронизирует над этим более незначимым для него событием, ставшим лишь ссылкой, затерянной среди миллионов других смертей: *Auch verlorsich in mitten der Masse ein zelner Toter sein verkündeter Heldentod und wurde zur Fußnote* [5, S. 181].

Взрослый Грасс до сих пор испытывает коллективную ответственность за военные преступления Вермахта, в сравнении с которыми его переживания юности кажутся незначительными. Примечателен эпизод ознакомления военнопленных, бывших солдат Вермахта, с кадрами из концлагерей, на которых они увидели голодающих, обессиливших от голода, превратившихся в ске-

лет узников: *Hungernde, Verhungerte, zum Skelett ab gemagerte Über lebende aus einer anderen Welt, unglaublich* [5, S. 220]. При помощи градации Г. Грасс акцентирует внимание читателя на увиденном. Он описывает удивление бывших солдат, которым кажется, что это вражеская пропаганда, фальсификация. Они не могут поверить этим фактам, в то, что это могли совершить немцы: *Unsere Sätze wiederholt ensich: “Und das sollen Deutsche getanhaben?”* [5, S. 220]. Писатель саркастично насмехается над такой реакцией, выраженной многократным риторическим вопросом, и подчеркивает наивное заблуждение военнопленных.

Таким образом, проведенный нами анализ использованных автором средств выразительности позволяет выделить не только языковые особенности идиостиля Г. Грасса, в котором большую роль играют словотворчество, метафоры, литота, перифразы, градация, а также ирония и сарказм. Данные средства выразительности помогают писателю создать три языковых портрета своего главного героя, самого себя.

Вначале романа создается образ молодого Г. Грасса, слепо верящего в порядок, установленный в его стране национал-социалистами, еще незрелого, наивного, но романтического юноши. Затем писатель предстает перед читателем состарившимся и разочаровавшимся молодым фронтовиком, пережившим голод и смерть многих своих товарищей, предпочитающим очевидные факты слепой вере, юношеский романтизм сменяется цинизмом. Наконец, на страницах романа прослеживается образ современного Г. Грасса, зрелого писателя и гражданина, способного к полноценной рефлексии, который не боится взглянуть на свое тяжелое прошлое, признать свои ошибки и поиронизировать над ними.

1. Бахтин М. М. Язык в художественной литературе // Собр. соч. : в 7 т. — М. : Русские словари, 1997. — Т. 5. — С. 287–298.

2. Иванова И. К. Нарративный дискурс в творчестве Грасса и Ю. Буйды // Вестн. Чуваш. гос. пед ун-та им. И. Я. Яковлева. — 2017. — № 3-2 (35). — С. 59–65.

3. Иванов П. Ф. Система идиоконцептов в автобиографической прозе Гюнтера Грасса // Филология и человек. — 2013. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-idiokontseptov-v-avtobiograficheskoy-proze-gyuntera-grassa> (дата обращения: 19.11.2022).

4. Ломунов К. Н. Лев Толстой: очерк жизни и творчества. — М. : Дет. лит., 1984. — 272 с.

5. Grass G. Beim Häuten der Zwiebel. — Augsburg : Weltbild, 2007. — 483 S.